

О. В. Двуреченский

МАСШТАБЫ ДОНСКОГО ПОБОИЩА ПО ДАННЫМ ПАЛЕОГЕОГРАФИИ И ВОЕННОЙ АРХЕОЛОГИИ

С момента начала изучения Донского побоища памятники Куликовского цикла являлись единственным источником, который позволял локализовать место сражения. Однако только летописные памятники дают точечный географический ориентир, необходимый исследователям для локализации места сражения — устье р. Непрядвы [Зайцев, 2005. С. 185, 186].

Дополнительным ориентиром для локализации места сражения являлись свидетельства крестьян, нашедших при распашке различные реликвии сражения и, в частности, «древние оружия». Уже в 20-е годы XIX века проводятся первые попытки систематических сборов на территории предполагаемого места Донского побоища. Одним из первых, кто стал собирать и публиковать найденные предметы, был Степан Дмитриевич Нечаев [Нечаев, 1821. С. 125, 126; он же, 1821а. С. 348–351]. Северной границей зоны находок являлись южные окраины С. Монастырчино. На юге граница проходила чуть южнее Красного холма, реки Непрядва и Ситка ограничивали ее на западе, с востока она доходила до отвешков рек Смолки и Курцы [Фехнер, 1990. С. 72–78].

Лишь спустя 160 лет было положено начало целенаправленному археологическому изучению предполагаемого места Донского побоища поисковыми работами археологической экспедиции ГИМ. Накануне празднования 600-летнего юбилея Куликовской битвы сотрудниками Исторического музея были пройдены, с целью поиска реликвий сражения, пешие маршруты в районе д. Хворостянки, Моховое, С. Монастырчино. Также обследовались при помощи войсковых миноискателей долина р. Смолки и урочище «Зеленая Дубрава» [Двуреченский, 2008. С. 40]. Однако эти работы не дали ощутимых результатов. Стало очевидно, что изучение места сражения невозможно без применения комплексного подхода, который должен был включать в себя ряд направлений. И прежде всего, к ним относятся: **историческое направление** — оно базировалось на историко-географическом анализе письменных источников, позволяющем определить район нахождения локализуемых топонимов; **палеогеографическое направление** — концентрировалось на анализе всей прилегающей к локализованным топонимам территории, с целью реконструировать ландшафт, соотносимый с эпохой сражения; **археологическое направление** — включало в себя анализ полученных

и дошедших до нас находок, происходящих с локализуемой территории сражения, разработку и внедрение новых методик поисковых работ, проведение поисковых работ на выбранных участках. Отдельным направлением является цикл **военно-исторических исследовательских работ**, а именно:

- изучение корпуса письменных и изобразительных источников, связанных со сражением;
- топографический анализ территории битвы;
- изучение тактических особенностей ведения сражений рассматриваемого периода;
- изучение тактико-технических свойств используемого оружия;
- изучение истории обнаружения и зон скопления находок на изучаемом ратном поле.

Результатом работ выделенных направлений стало появление комплексной карты Куликова поля [Зайцев, 2005. С. 186, 189. Рис. 4.; Гласко, Гольева, Сычева, Бурова, 2005. С. 242. Рис. 7]. Она включала в себя: информацию о расположении древних дорог и поселений, известных на рассматриваемой территории и предшествующих времени битвы; информацию о размещении реконструированных переправ, лесов, балок и открытых от лесов и свободных от сети оврагов протяженных участков — плакоров, пригодных для проведения сражения. На данную карту нанесен участок, где проводились сборы «древнего оружия» крепостными крестьянами в XIX столетии. И, что самое главное, теперь мы можем нанести на карту привязанные инструментально скопления находок воинского снаряжения, полученные в результате планомерных сборов на месте сражения [Двуреченский, 2008. С. 10–12].

В настоящее время по данным палеогеографов выделено три зоны, пригодные для проведения сражения. Только одна из них, самая крупная и протяженная, расположенная между балкой Зеленая Дубрава и д. Хворостянкой, в настоящее время дала находки, получаемые при поисковых работах. Два других участка, расположенных севернее и юго-западнее Красного Холма, отличаются меньшими размерами (рис. 1).

Размеры наиболее перспективного участка, где могло произойти сражение, представляют собой, при определенном округлении, ровное горизонтальное поле, достигающее по фронту 600–800 метров при глубине свыше 3 км. Зона имеет хороший подход как с севера, через Устьинский и Татинский броды, так и с юга в промежутке между Красным Холмом и

Хворостянским оврагом. Северный подход на предполагаемое «поле битвы» проходит через дефиле, сформированное балкой Зеленая Дубрава и отвершком балки Большой Верх. Восточная часть участка ограничена истоками Смолки и свитой балок, связанных с ней, образующих своеобразные карманы. Один из таких северо-восточных «карманов» занят реконструируемым лесом, протянувшимся по линии С-Ю от балки Зеленая Дубрава до балки Верходуб, который был интерпретирован исследователями как лесной массив памятников Куликовского цикла «Зеленая Дубрава» (рис. 2).

С запада рассматриваемый участок ограничен балкой Рыбий Верх и ее отвершками, также образующими открытые и залесенные «карманы». Центральная зона между балкой Рыбий Верх и балками, приуроченными к р. Смолке, образует место, где и произошло, по нашему мнению, знаменитое сражение. С юга участок ограничен Хворостянским оврагом, который формирует вместе с истоками Смолки южное дефиле, а следовательно, и границу рассматриваемого плакора. Примечательно, что воинские работы на рассматриваемой территории дали находки только в ее центральной части, в районе Липового оврага (или Безымянной балки), где они компактно лежат на площади, равной 0,5 км².

Таким образом, можно предположить, что данная зона выступала нейтральной территорией, где сошлись полки противоборствующих армий. Следовательно, территории, расположенные к северу и югу от данных скоплений, следует рассматривать как зоны разворачивания и построения воинских формирований. При этом северная зона должна рассматриваться как место построения русских ратей. Попробуем охарактеризовать ее более подробно. Фактически перед нами крупное поле размером 700–800 м по фронту и 800 метров по глубине, ограниченное с востока лесным массивом Зеленая Дубрава. Ограничено оно и с севера практически смыкающимися, сильно залесенными балками Большой Верх и Зеленая Дубрава. При этом надо учесть, что деревья полностью закрывали обзор, как с севера, так и с востока, оставляя небольшой, открытый от леса, расположенный между балками участок шириной 200–300 м, через который, по всей видимости, и проходили полки русского войска на место сражения. Наиболее важным, с нашей точки зрения, является южная часть данного поля, где должны были разворачиваться русские рати. Оно ограничено отвершком балки Рыбий Верх и балкой Верходуб. Схождение этих двух балок дает наиболее узкое место всего рассматриваемого плакора шириной 600 м. Южнее этого участка до балки Прудовая и были расположены все обнаруженные экспедицией находки. Фактически этот участок, вне зависимости от того, насколько осознанно он был использован русскими полководцами, стал зоной, где должен был располагаться фронт русских ратей (рис. 3).

Прежде чем перейти непосредственно к подсчету участников, которые могли разместиться на данной территории, попробуем представить, каким же образом могло выглядеть русское войско. Какие тактические приемы ведения сражения нам известны.

В качестве основного ядра войска, как и в более раннюю эпоху, выступает княжеский полк, который являлся преимущественно конным формированием. Такой полк состоял из княжьего двора и небольших, организованных феодальной обязанностью групп, во главе которых стояли зависимые от князя вассалы. Все тактические и стратегические задачи, которые собирались решать как удельные, так и великие князья, решались только при помощи этого рода войск. Был ли у князей северо-восточной Руси такой род войск, как пехота, при этом способный участвовать в полевых сражениях, в отличие от пехотных отрядов Пскова и Новгорода или ополчений, сформированных из горожан, для осадного сидения, до сих пор остается неизвестным. Второй составляющей русского войска были так называемые городовые полки — «койждо ис своих градов, с своими полки...».

На протяжении XIII–XIV вв. усложняется сам характер комплектации войска. В походных и боевых построениях русских ратей появляется все больше мелких и крупных тактических единиц. К концу XIII столетия, по мнению ряда исследователей, происходит дальнейшее формирование такой тактической триады, находящей прямые аналогии в западноевропейской военной традиции, как **копье-стяг-полк** [Кирпичников, 2000. С. 205–207].

В это время значительно изменяются приемы ведения боя. Начиная с 1323 года летописи при описании боевых действий употребляют новое понятие — «первый соступ», или «первый суим», в значении первичной сшибки или схватки. Сближение противников и последующее боестолкновение остаются главным проявлением борьбы, которые в пределах одного сражения могут повторяться. Первая фаза боя наиболее кровопролитна и упорна, за первой рукопашной, если противник не был опрокинут, волнообразно могли происходить и повторные сшибки. Перед нами пример чисто кавалерийских сражений, при этом военная сила должна была состоять не только из известных по письменным источникам полков, но и более мелких единиц — стягов и копий [Кирпичников, 1976. С. 15; Двуреченский, 2005. С. 67, 68].

Отдельные отряды численностью от единиц до нескольких десятков зависимых от феодала вассалов и формировали подобные копья. Стяги выступали уже полевой тактической единицей. Отдельно построенные копья и стяги должны были формировать фронт полков, выстроившихся перед сражением.

Построение конного войска конца XIV века может быть реконструировано лишь гипотетически. На протяжении всего периода существования конницы мы видим три основных способа построения конных ратей. Это линейное и колонное построение — в виде клиньев, «свиной», ромбов и пр. Кроме того, хорошо известна так называемая лава, характерная для иррегулярной конницы. Для рассматриваемого времени в военной традиции Западной Европы (во многом аналогичной, как по комплексу вооружения, так и по снаряжению всадника, а следовательно, мы вправе предположить, что и по тактике боя) применяется либо построение клином, либо в линию (частоколом).

Такие три или четыре линии выстраивались на расстоянии друг от друга в несколько метров или десятков метров [Контамин, 2001. С. 248]. При этом густота построения вряд ли могла сравниться с той, что мы видим в эпоху регулярных армий и вымученной конницы [Разин, 1994. С. 152; Дельбрюк, 2003. С. 127]. Так, в эпоху войн XVIII–XIX вв. эскадроны численностью в 120–150 всадников, выстроенные в две шеренги, занимали по фронту около 40–50 м. Расстояние между шеренгами составляло 1–1,5 корпуса лошади. При этом сами эскадроны шли с интервалом от 1/8 до 1/4 ширины фронта эскадрона, чтобы не потерять тактическую целостность и не смешаться. Выстроенные в две линии полки имели расстояние между линиями в несколько сотен метров. Таким образом, на кавалериста приходилось около 1 м по фронту [Устав конного полка, 1797. С. 23; Инструкции и приказы для кавалерии короля Пруссии Фридриха Великого, 1903. С. 95]. Нечто подобное, но в значительно большей степени неорганизованное и, по всей видимости, не столь плотное происходило со «стягами» и полками отдельных феодалов на месте средневекового сражения. Приведенные цифры позволяют утверждать, что фронт позиции русского войска мог разместить не более 10 эскадронов (сотен), выстроенных в две шеренги, а с учетом межполковых интервалов — и того менее. Таким образом, на нашем участке при описанном выше расположении войск можно было бы разместить до трех полков кавалерии (около 3 тыс. человек), выстроенных в две–три линии. То есть по фронту рассматриваемого нами поля может разместиться 350 — 500 всадников, построенных линией по полкам и стягам [Контамин, 2001. С. 248]¹. Даже если мы представим, что все рассматриваемое поле целиком было равномерно заполнено такими гипоте-

тическими «эскадронами», численность всего войска должна будет измеряться цифрой в 9–10 тыс. человек. Но представить такую «заполненность» довольно сложно, как с тактической точки зрения, так и с функциональной, а следовательно, цифра была значительно меньше. Если же мы представим, что кавалерия строилась колоннами, то в этом случае цифра должна сократиться еще больше, так как при таком построении требовались значительно более протяженные интервалы между «клиньями». Не вдаваясь в дискуссию о самой возможности наличия пеших формирований на месте Донского сражения, отметим, что статистическая картина при их присутствии принципиально не изменится. По нашему мнению, при нормальном расположении на данном участке вряд ли было возможно разместить без сутолоки и толчеи, с сохранением построения по полкам и «стягам» более 6–7 тыс. воинов без учета обозников и невооруженных слуг. В любом случае ни о каких десятках тысячах русского войска говорить не приходится. Сам выбор такого места сражения во многом продиктован тем, что оно как по размерам, так и по своему характеру устроило, в определенной степени, русских полководцев.

Данные цифры не должны нас удивлять. Применяя ретроспективный метод, мы можем утверждать, что даже Московская Русь XVI в., являясь одним из крупнейших государств Старого Света, в самые критические моменты выставляла войско в 30–40 тыс. человек. Об этом говорят дошедшие до наших дней полковые росписи личного состава русской армии [Разин, 1994. С. 374]. Почти невозможно представить, что малая часть Русского государства, каковой, собственно, и являлась коалиция князей Московского княжества с союзниками, могла выставить большую или соизмеримую силу.

Литература

1. Гласко М. П., Гольева А. А., Сычева С. А., Бурова О. В. Ландшафты Донского побоища: возвращение утраченного // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.
2. Дельбрюк Г. История военного искусства. Т. 2. М., 2003.
3. Двуреченский О. В. Снаряжение русского воинства в эпоху Куликовской битвы // Реликвии Донского побоища: Находки на Куликовом поле. М., 2008.
4. Двуреченский О. В. Реликвии Донского побоища. Находки на Куликовом поле. М., 2008.
5. Зайцев А. К. Историко-географическое исследование района Куликова поля // Куликово поле и Донское побоище 1380 года. М., 2005.
6. Инструкции и приказы для кавалерии короля Пруссии Фридриха Великого. СПб., 1903.
7. Кирпичников А. Н. Дренерусский «клин» — боевой отряд или населенная местность? // It balts kulturos istorijos. Вильнюс: Diemedis, 2000.
8. Кирпичников А. Н. Военное дело на Руси в XIII–XV вв. Л., 1976.
9. Контамин Ф. Война в средние века. СПб., 2001.
10. Разин Е. А. История военного искусства. СПб., 1994. С. 152. С. 127.
11. Нечаев С. Д. Некоторые замечания о месте Мамаева побоища // Вестник Европы. № 14. 1821.
12. Нечаев С. Д. Описание вещей, найденных на Куликовом поле // Вестник Европы. № 24. 1821.
13. Устав конного полка. СПб., 1797.
14. Фехнер М. В. Находки на Куликовом поле // Куликово поле. Материалы и исследования. М., 1990.

¹ Филипп Контамин указывал, что средневековые сражения, имевшие по фронту около 1 км, являлись довольно редким явлением, при этом такое поле при довольно плотном построении в три или четыре ряда вмещало в себя от 1500 до 2000 кавалеристов.

Условные обозначения.

1. Зона распространения находок XIV в. на Куликовом поле, собираемых крестьянами в XIX-XX вв. по М. В. Фехнер.
2. Зона скопления находок предметов вооружения XIII-XIV вв. По данным ВАО ВДАЭГИМ. Зона наиболее протяженного плакора по данным палеогеографии.
3. Реконструированные лесные массивы на территории Куликова Поля. По данным М.П. Гласко.
4. Зона работ по реконструкции ландшафта.
5. Альтернативные участки с протяженными плакорами, выделенные по данным палеогеографии, на которых не обнаружены находки, связанные с битвой.

Рис. 1. Карта-схема Куликова поля с расположенными на ней реконструируемыми лесными массивами и выделенными плакорами

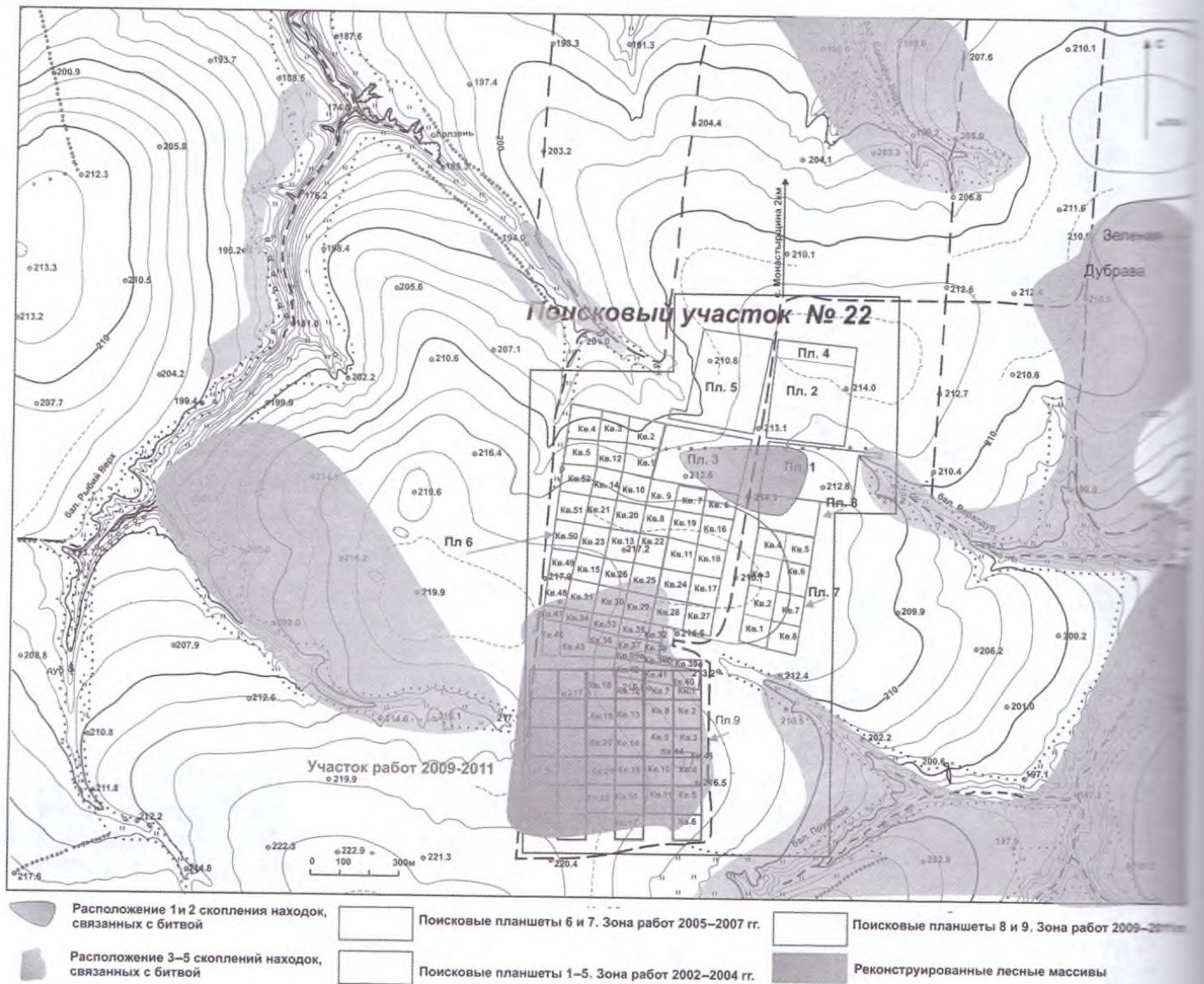
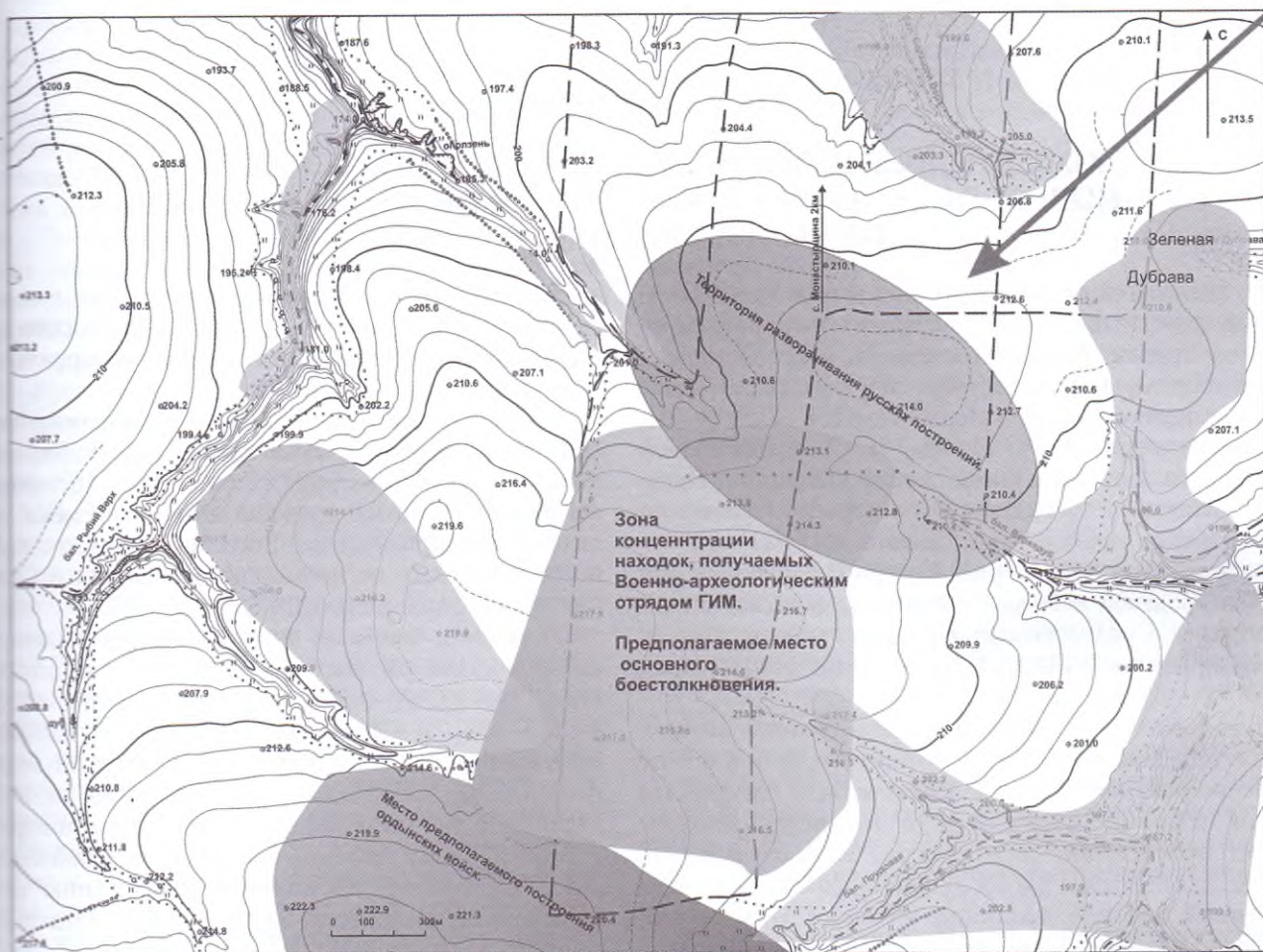

Рис. 2. Карта-схема расположения поискового участка № 22, на территории которого расположены все обнаруженные скопления находок

реконструированные лесные массивы

Рис. 3. Фрагмент комплексной карты Куликова поля. Предполагаемое место сражения